

Пролог

Вэтом году весна долго не хотела приходить в С. Уже две недели прошло со светлого праздника Пасхи, дни стали длинными, ночи укоротились, но несмотря на это — целыми днями были лишь дожди и слякоть. То морось, то ливень, все одно — грязно, холодно, промозгло и бесприютно. Сидеть бы в такую погоду дома у печки да гонять чай с ежевичным вареньем или сладким мармеладом... Но есть государственные дела, которым никакая погода не помеха, и есть государственные люди, которые эти дела исполнять повинны. Смиренно, безропотно и с благодарностью.

Так размышлял Николай Инюткин, мокрый насквозь от косого дождя, отважно пересекая Базарную улицу, временно превратившуюся в бурный грязевой поток. Служил Инюткин при почтовом департаменте и значился там внетабельным канцеляристом, а проще говоря, был курьером-письмоношей. Не было во всем С. другого такого чиновника, который бы с таким усердием, рвением и ответственностью исполнял бы свою работу, получая за это жалованье в тридцать рублей.

Вот и сейчас он трепетно проверял рукой лежавший во внутреннем кармане сюртука пакет. Не промок ли? Нет, слава Богу, сухой. Сегодня же эти бумаги должны быть подписаны Никифором Аристарховичем — дело государственной важности, шутка ли! Начальник так ему и сказал, мол, дело государственное, так что хоть небо на землю упади, а чтобы сегодня было подписано! Инюткин с сомнением поглядел на фиолетово-серые небеса, низко нависавшие над городом, почти касаясь креста на куполе собора, и решил, что дело осталось за малым, а значит, нужно поторапливаться.

На входе в присутственное место Николай был с пристрастием допрошен седоусым сторожем, который отчитал его за отсутствие галош, а затем строго проследил, чтобы посетитель тщательно очистил от грязи сапоги и обтек.

— Да стой ты, мордовская ты рожа! Какой раз шастаешь сюда, и завсегда свинничаешь! Я тебя приучу к порядку! Тут стой, пока вся вода не стечет! Ты же сейчас все паркетные обгадишь! Деревня!

Инюткин испепелил сторожа взглядом. Для него, крестьянского сына, великими трудами выбившегося из мокшанского села в город, страшнее оскорбления не было. Сколько лишений он претерпел, сколько унижений снес, покуда к сорока годам не выучился и не прилип к почтовому департаменту С. Чиновничья должность, пусть и самая ничтожная, была его светочем. Служение государству он почитал своей священной обязанностью, возвышающей его над простым людом, а особенно над своими соплеменниками мордвинами. Чем дольше он служил, тем

больше в нем крепло это смутное презрение. Он уже хотел было обругать наглого сторожа последними словами, но вовремя опомнился, вытянулся в струнку, наморщил свой конопатый нос и произнес, как ему казалось, тоном холодного превосходства:

— Да нешто ты с первого раза не расслышал? У меня опять бумаги на подпись к Никифору Аристарховичу! Новые формуляры! Ежели их сегодня не подписать — знаешь, что будет?! Вот то-то же... Дело государственное! Так что не стой на пути!

Инюткин отодвинул в сторону оторопевшего сторожа и, так и не пояснив, что будет, если не подписать формуляры, проследовал в сторону приемной. Сторож проводил его взглядом и торжествующе бросил вслед:

— Зря торопишься! Никифор Аристархович не принимают никого сегодня! Работают с документами!

Инюткин только фыркнул в ответ и после краткого стука сунул свой нос в приемную. Но, к его конфузу, секретарь только подтвердил слова сторожа, чиновник действительно велел никого не пускать. Из кабинета доносилось шуршание бумаг, тихие вздохи и стук печати. В ответ на все вопросы Николаю было велено сидеть в коридоре, дожидаться, когда его позовут, и впредь не лезть с глупостями. Инюткин вздохнул, проверил еще раз пакет с бумагами и покорно уселся на скамью напротив кабинета, уставившись на висящие над дверью часы. Часовая стрелка медленно приближалась к одиннадцати, минутная стрелка на часах загадочным образом отсутствовала.

В такие праздные минуты Николай занимался любимым делом — гордился службой и мечтал о повышении. Он бесконечно мог вспоминать моменты своей карьеры, которые виделись ему триумфальными: передача важных донесений, в основном касательно всяких мелких изменений в почтовых бланках, но тем не менее значимых; встречи с важными чиновниками, иногда, как сегодня, вплоть до коллежских секретарей! Шутка ли! И ведь со всем он справляется, все успевает. Это потому, что он — мокша, похитрей и посноровистей будет, чем эти остолопы эрзя! Это для приезжих из столиц вся мордва на одно лицо, а местные еще разбирают, что если волос темный и кожа смуглая — то мокша, а если волос русый и глаза светлые — понятно, что эрзя-недотепа. Эрзя годятся только землю пахать да грибы в лесу собирать, им если что важное доверить — так все напутают, что и до революции недалеко. Мокша другое дело, мокшанам и серьезную работу пожаловать можно, даже и государственную...

Мысли Инюткина потекли по привычному руслу, обтекая неудобные островки, которые напоминали о том, что он к сорока годам с грошовым жалованьем живет в крохотном домишке вместе с отцом и беременной женой, которая скоро должна принести наследника. Это и давало ему сил год за годом стаптывать ноги на курьерской службе, бесконечно надеясь на скорое повышение. День за днем, с тех самых пор, как в С. провели железную дорогу и он поступил на службу в департамент, все мысли его были о получении какого-никакого, но официального чина. Повы-

шение по службе — вот была его настоящая заветная мечта. Чин коллежского регистратора, заслуженный, по его мнению, давным-давно, но по некоему недоразумению до сих пор не подтвержденный начальством. Настоящая табельная чиновничья должность! Погонь со звездочкой! Жалованье в тридцать рублей! И главное, самое главное, никакая сволочь, вроде этого усатого инвалида, не сможет ему тыкать, что он, дескать, мордва, деревенщина и всякие другие обидные вещи. Будут к нему обращаться «ваше благородие» и никак не иначе...

— Ваше благородие! Ваше благородие!..

Инюткин, видимо, задремал от бесконечного ожидания, и теперь его с усмешкой тряс за плечо давешний усатый сторож.

— Ваше благородие, вставай уже, хорош храпеть. Присутствие закрывается!

Николай потер кулаками глаза и огляделся. Присутственное место выглядело пустым и бесприютным — кое-где уже потушили свет, в отдалении уборщики грохотали ведрами, галошная стойка почти опустела, а одинокая стрелка на часах указывала строго вниз.

— Как же, как же это...

Он беспомощно огляделся и в поисках поддержки схватил сторожа за рукав.

— А как же Никифор Аристархович? Как же формуляры? Дело же архиважное, государственное дело.

— Да тыфу ты, вцепился, как клещ! — недовольно отдернул руку сторож, — Уж не трясись ты так. Придешь завтра к открытию — всего и делов-то.

— Нет-нет! Безотлагательно нужно! Хотя небеса на землю рухнули! Необходимо!

— Ладно, ладно... Что с тобой юродивым подделывать, — смягчился старик. — Никифор Аристархыч никак у себя еще. Странно даже... Вон галоши его остались.

Ободренный Инюткин вскочил со скамьи, проверил сохранность пакета за пазухой и на затекших от долгого сидения ногах проковылял к двери. Сторож встал рядом с ним, прижал к двери большое, поросшее седым волосом ухо и многозначительно поднял палец, прислушиваясь. Из-за двери доносились приглушенные удары, видимо печати, и шелестение бумаг. Старик осторожно постучался. Тишина. Он, прокашлявшись, приоткрыл дверь и заглянул внутрь. В приемной горела лампа, но секретарь, видимо, давно уже ушел домой. Они переглянулись, одновременно пожали плечами и шагнули за дверь.

В приемной странные звуки, доносившиеся из кабинета чиновника, слышались отчетливей. Шуршала бумага, кто-то раскидывал по комнате листы, потом, через промежуток раздавался короткий стук, то ли печатью, то ли ящиком стола, после чего раздавался тихий глухой стон, похожий на завывание, словно чиновник в припадке подобострастия колотил по столу и стонал от непроходимой тупости подчиненных.

Николай решительно пересек приемную и трижды постучал в дверь. Тук-тук-тук. В ответ раздалась очередная серия шелеста, стуков и вздохов. Постучал еще раз — то же самое.

— Раньше он вроде до такого часа не засиживался... — Сторож почесал под картузом.

— Надобно внутрь зайти и посмотреть, — уверенно сказал Инюткин. — Вдруг с ним удар случился? Эх, пропали тогда мои формуляры...

— Так и зайди! — согласился старик. — У тебя же к нему дело, не у меня.

— Ну нет уж! Ты тут лицо официальное, за порядком следить специально приставленное, а я человек прохожий, так что ты заходи! — парировал Николай.

После кратких препирательств было решено заходить вместе. С тревожным сердцем Инюткин повернул медную ручку, а сторож толкнул дверь. В лицо им сразу ударило холодной сыростью выстуженного помещения, лампа горела, но место за массивным столом было пустым. Окно было распахнуто, и через него в кабинет хлестал дождь, пачка бумаг, прижатая пресс-папье, отчаянно пыталась улететь, документы, справки и резолюции кружились по комнате в хороводе после каждого порыва ветра. Но кроме этого... Плохо закрытая ставня внезапно распахнулась и с силой стукнула о раму. Ба-а-бах!

— Уби-и-и-или! — внезапно тонко, по-бабьему завопил сторож и пустился бегом через приемную наружу. — Душегубы! Убивцы! Турки! Тут они! Городового, скорее!

Крик его удалялся по коридору, сопровождаемый звуками начинающегося переполоха. Николай стоял словно парализованный, разглядывая огромную лужу крови на полу. В крови было все: бумаги, сукно стола, портреты вельможных особ на стенах. Что-то капнуло ему сверху на лысину, и Инюткин поднял голову, чтобы с ужасом увидеть пятно крови, расплз-

шеется на потолке. Откуда-то издалека доносились крики сторожа:

— Убили! Убили! Городовой! Скорее!..

Николай еще раз ощупал пакет во внутреннем кармане сюртука, прислонился к дверному косяку и медленно сполз на пол.

Глава 1

По Фонтанке еще всюду плыл лед, но на липах уже распустились первые листочки. Было свежо, солнечно и чрезвычайно ветрено, даже для столицы. Пролетка, управляемая суровым красноносым извозчиком, с трудом приткнулась возле Чернышева моста, и из нее вышли двое мужчин, представлявших из себя странную компанию. Один из них был высок, по-военному подтянут, строго и аккуратно одет, внимателен и обходителен. Второй же, одетый в странное, словно с чужого плеча пальто, был лохматым, дерганым и нервным. И, будто это все составляло недостаточно странный вид, они помогли выбраться из пролетки своему третьему компаньону, и им оказался худой и бледный православный батюшка в коричневом подряснике.

Священник стоял на мостовой, поддерживаемый товарищами с двух сторон, и тяжело дышал, волосы выбились из-под черной скуфьи и трепались на ветру.

— Отец Глеб, вы уверены, что достаточно поправились? — обеспокоенно спросил высокий, помогая батюшке подняться на тротуар.

Тот на секунду прикрыл глаза, глубоко вздохнул и ответил:

— Не переживайте, Роман Мирославович, тело мое ослабло, зато дух весьма укрепился. Я готов.

Странная троица, преодолев суету на входе, последовала в здание министерства, по привычной уже лестнице на второй этаж, и вскоре, по соблюдении всех необходимых ритуалов и формальностей, уверенно вошла в святая святых — кабинет министра внутренних дел.

Градоначальник, занимавший свое привычное кресло, благосклонно кивнул в ответ на нестройное приветствие гостей и продолжил заполнять пространство клубами сизого сигарного дыма. Сам хозяин кабинета стоял у окна и, потрясая своими непомерными бакенбардами, оживленно разговаривал с каким-то лысым господином явно военного вида, но одетым почему-то в форму жандармского полка. Министр обернулся к вошедшим со зловещим радушием.

— А-а-а! Вот и Роман Мирославович! Отец Глеб, рад снова видеть вас в здравии! Присаживайтесь, присаживайтесь, не стесняйтесь! Господин Барабанов, вам точно лучше присесть.

Годы работы в сыске приучили Муромцева анализировать поведение окружающих людей, и особенно если люди являлись высоким начальством. Поэтому, глядя на покрасневшееся лицо министра, подрагивающие кончики его бакенбард и убранные за спину руки, сыщик легко понял, что тот совсем недавно получил некоторые весьма скверные новости, причем уязвившие его лично. А источником неприятного